

*Политическая типология волшебной сказки
(Комментарий к статье Анны Наталии Малаховской
«Гендерная политика и сказки»)*

Алла Митрофанова

Мы не можем выделить власть как таковую, без ее типологического различения: одна дарит, другая отнимает, третья испытывает нас и тем укрепляет. Власть не приходит извне, как мы знаем после Фуко, ее механизмы воспроизводятся конкретно самим субъектом. Они определены бессознательной установкой. Это и есть то, как героини и герои действуют. Типы власти различно устанавливают условия субъективации; важно, как вступает субъект в диалог и какие отношения будут взаимно поддерживаться, чем обернется власть для субъекта: насилем, помощью или искушением.

Статья Наталии Малаховской предлагает рассматривать три типа власти, восходящие к сказочным образам Бабы-Яги (пойти в неведомое и спросить совета), Кощей¹ (накажу, если не подчинишься) и Щуки (по моему хотению и щучьему велению). Эти типы властных отношений постоянно воспроизводятся в конкретном ежедневном личном опыте: как мы принимаем отношения власти, беседуем с детьми, мотивируем себя на написание статей и пр. Как субъекты мы уже расположились в одной из этих возможностей. Просыпаясь или в сновидении, мы уже обнаруживаем себя либо в мире чудесного и ужасного (Яга), либо долга и отчуждения (Кощей), либо неопределенной и своенравной свободы себя.

Введение триады снимает понимание власти как монологическое насилие извне. Как показывает Фрейд, такое понимание связано с вытеснением тревоги, когда нам кажется, что мы не принадлежим себе, зависим от обстоятельств, и, следовательно, «передаем» себя кому-то. Наши критические дискурсы власти обычно и полагают власть как внешнюю и принудительную, несправедливую в распределении объектов «блага», «признания». Выставив себя в качестве объектов, а не субъектов, воспроизводящих власть, мы заставляем себя ее претерпевать, пока не дойдет до горла, после чего начинается бунт. Отношения ребенок и злой/чужой/внешний отец – это та часть истории, где отношения

смысла положены внешним субъекту образом. Этот тип власти от Кашея требует признания смысла прежде поступка, он устанавливает непреодолимый разрыв между субъектом и его языком, желание может выговаривать себя только в языке, который оно не желает. Авторитарная позиция смысла рассматривает субверсию и диверсию смысла как чепуху, а не обновление. Эта отчужденная от бытия субъекта власть препятствует герою желать, ошибаться, начинать сначала. Она следит за воспроизведением установленных смысловых делений. Кого-то она может быть, и спасает (от бреда), но каждого стремится разметить смыслом, присвоить идентификации. Она связана со страхом, наказанием, с искушением и слабостью и страстной привязанностью к признакам власти и богатства. Можно сказать, что Кашей – основная тема фрейдовского психоанализа, показывающая, как устанавливается и как начинает работать та базовая для бытия субъекта тревога, которая вытесняет бытие и перекрывает Именем отца или символическим порядком либидинальное движение индивида.

Материнский язык – «принимаю, ибо знать не могу» - располагает власть в сакральном сумраке неизвестного как возможного, но почти недостижимого. Баба-Яга помогает советом в случае серьезного дела: «дело делаешь или от дела бегаешь?». К этой силе надо прийти, ее надо выдержать – пройти испытание и сделать сверх усилие. Это власть, которую не охватить разумением, но она работает совместно и заодно со мной. Власть не моя, но за меня. Эта власть, которая не может быть понята по определению, схвачена смыслом, она помогает из внешней субъекту позиции, ей нужно довериться и установить с ней отношения прямого желания. Но саму Ягу желать не надо, она помогает на стороне желания.

Кашей вступает в отношения с инфантильной стороной субъекта, он демонстрирует педофильные претензии: похищение девушек, соблазнение мальчиков (сделай, что прошу, и весь мир будет нам покорен). Яга, наоборот, требует осознанности желания и, вопреки подозрению, она не вступает в сексуальные отношения ни с девочками, ни с мальчиками. Она их пугает, требует преодоления страха и удержания решимости. Как только индивид теряет простоту экзистенциальной решимости и пытается подменить ее манипуляцией или мечтанием, Яга становится неумолимой и непреодолимой. Но и тревожное подобоострастное преданное служение «не проходит», поскольку она устанавливает отношения только с конкретным желанием, но не его изображением. Ее тотальность не становится тоталитаризмом, она хочет сироте хотеть самому. Она за него, но из своего затемненного места.

Третий тип «по моему хотению, по щучьему велению» наиболее неочевиден. У героя нет идентификации, он пуст, он дурак. Никто не наделяет его смыслом, он сирота, аутсайдер и лентяй. Сказка предполагает, что в пустоте подобной субъективности как раз и таятся прямые и неспутанные желания. Щука приходит только к праздному герою, который освободил свое «либидо»

от власти символического «фаллоса» или распределяющей значения властной структуры, он не желает быть признанным, он уже признан сам собой в качестве «бытия собственного». Его расположение в жизни не должно быть прагматично (не съесть щуку, а поговорить с ней), не должно мотивироваться смыслом, иначе он увидит абсурд своих действий, и только силой своей праздности он может вовлечься в серии поступков, в решительные преобразования из дурака в царя: в собственной голове. Между моим хотением и щучьим велением существуют отношения, допускающие любое как любимое. Но это не безнаказанность, а в некотором роде испытание и искушение – Емеля должен сам и за свой счет прояснить свое желание. Он обречен действовать из автономии своей сиротской вброшенности в ситуацию. И все сказочные персонажи, начиная со Щуки (золотой рыбки) разрешают серию антагонизмов: меняют идентификации, характер действий, делают невозможное с позиции наличного смысла. Но при этом они делают одно единственное «свое» дело становления себя: плачут и боятся, сражаются, устраивают балаган, женятся на принцессах и прыгают в кипящий котел.

Похоже, что в сказках мы имеем дело с тремя политическими экономиями субъекта: Кашей (символической), Яга (воображаемой или потенциальной) и Щука (либидинальная). Эти три страты не только не пересекаются, но явно сталкиваются друг с другом, образуя разных субъектов.

1 Мы принимаем пушкинское написание имени Кашей через «а» от *кастить*, *бранить*.